

Андрей Белый

Золото в лазури

Андрей Белый

Золото в лазури

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3116445

Аннотация

«В золотистой дали
облака, как рубины, —
облака, как рубины, прошли,
как тяжелые, красные льдины.
Но зеркальную гладь
пелена из туманов закрыла,
и душа неземную печать
тех огней – сохранила...»

Содержание

Золото в лазури	4
Бальмонту	4
Золотое руно	8
Солнце	12
Вечный зов	13
Три стихотворения	16
Во храме	19
В полях	20
Прежде и теперь	22
Опала	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Андрей Белый

Золото в лазури (сборник)

Посвящаю эту книгу дорогой матери

Золото в лазури

Бальмонту

1

В золотистой дали
облака, как рубины, —
облака, как рубины, прошли,
как тяжелые, красные льдины.
Но зеркальную гладь
пелена из туманов закрыла,
и душа неземную печать
тех огней – сохранила.
И, закрытые тьмой,
горизонтов сомкнулись объятья.
Ты сказал: «Океан голубой

еще с нами, о братья!»
Не бояся луны,
прожигавшей туманные сети,
улыбались – священной весны
все задумчиво грустные дети.
Древний хаос, как встарь,
в душу крался смятением неясным.
И луна, как фонарь,
озаряла нас отсветом красным.
Но ты руку воздел к небесам
и тонул в ликовании мира.
И заластился к нам
голубеющий бархат эфира.

Апрель 1903

Москва

2

Огонечки небесных свечей
снова борются с горестным мраком.
И ручей
чуть сверкает серебряным знаком.
О поэт – говори
о неслышном полете столетий.
Голубые восторги твои
ловят дети.
Говори о безумье миров,

завертевшихся в танцах,
о смеющейся грусти веков,
о пьянящих багрянцах.
Говори
о полете столетий:
Голубые восторги твои
чутко слышат притихшие дети.
Говори...

Май 1903

Москва

3

Поэт, – ты не понят людьми.
В глазах не сияет беспечность.
Глаза к небесам подними:
с тобой бирюзовая Вечность.
С тобой, над тобою она,
ласкает, целует беззвучно.
Омыта лазурью, весна
над ухом звенит однозвучно.
С тобой, над тобою она.
Ласкает, целует беззвучно.
Хоть те же всё люди кругом,
ты – вечный, свободный, могучий.
О, смейся и плачь: в голубом,
как бисер, рассыпаны тучи.

Закат догорел полосой,
огонь там для сердца не нужен:
там матовой, узкой каймой
протянута нитка жемчужин.
Там матовой, узкой каймой
протянута нитка жемчужин.

1903

Москва

Золотое руно

Посвящено Э. К. Метнеру

1

Золотея, эфир просветится
и в восторге сгорит.
А над морем садится
ускользающий солнечный щит.
И на море от солнца
золотые дрожат языки.
Всюду отблеск червонца
среди всплесков тоски.
Встали груди утесов
среди трепещущей солнечной ткани.
Солнце село. Рыданий
полон крик альбатросов:
«Дети солнца, вновь холод бесстрастья!
Закатилось оно —
золотое, старинное счастье —
золотое руно!»
Нет сиянья червонца.
Меркнут светочи дня.
Но везде вместо солнца

ослепительный пурпур огня.

Апрель 1903

Москва

2

Пожаром склон неба объят...

И вот аргонавты нам в рог отлетаний
трубят...

Внимайте, внимайте...

Довольно страданий!

Броню надевайте
из солнечной ткани!

Зовет за собою
старик аргонавт,
взывает
трубой
золотою:

«За солнцем, за солнцем, свободу любя,
умчимся в эфир
голубой!..»

Старик аргонавт призывает на солнечный пир,
трубя

в золотеющий мир.
Все небо в рубинах.
Шар солнца почил.
Все небо в рубинах

над нами.

На горных вершинах

наш Арго,

наш Арго,

готовясь лететь, золотыми крылами

забил.

Земля отлетает...

Вино

мировое

пылает

пожаром

опять:

то огненным шаром

блистать

выплывает

руно

золотое,

искрясь.

И, блеском объятый,

светило дневное,

что факелом вновь зажжено,

несясь,

настигает

наш Арго крылатый.

Опять настигает

свое золотое

руно...

Октябрь 1903

Москва

Солнце

Автору «Будем как Солнце»

Солнцем сердце зажжено.
Солнце – к вечному стремительность.
Солнце – вечное окно
в золотую ослепительность.
Роза в золоте кудрей.
Роза нежно колыхается.
В розах золото лучей
красным жаром разливается.
В сердце бедном много
зла сожжено и перемолото.
Наши души – зеркала,
отражающие золото.

1903

Серебряный Колодезь

Вечный зов

Д. С. Мережковскому

1

Пронизала вершины дерев
желто-бархатным светом заря.
И звучит этот вечный напев:
«Объявись – зацелую тебя...»
Старина, в пламенеющий час
обуявшая нас мировым, —
старина, окружившая нас,
водопадом летит голубым.
И веков струевой водопад,
вечно грустной спадая волной,
не замает к былому возврат,
навсегда засквозив стариной.
Песнь все ту же поет старина,
душит тем же восторгом нас мир.
Точно выплеснут кубок вина,
напоившего вечным эфир.
Обращенный лицом к старине,
я склонился с мольбою за всех.
Страстно тянутся ветви ко мне

золотых, лучезарных дерев.
И сквозь вихрь непрерывных веков
что-то снова коснулось меня, —
тот же грустно-задумчивый зов:
«Объявись – зацелую тебя...»

2

Проповедуя скорый конец,
я предстал, словно новый Христос,
возложивши терновый венец,
разукрашенный пламенем роз.
В небе гас золотистый пожар.
Я смеялся фонарным огням.
Запрудив вокруг меня тротуар,
удивленно внимали речам.
Хохотали они надо мной,
над безумно-смешным лжехристом.
Капля крови огнистой слезой
застывала, дрожа над челом.
Гром пролетов, и крики, и стук,
ход бесшумный резиновых шин...
Липкой грязью окаченный вдруг,
побледневший утих арлекин.
Яркогазовым залит лучом,
я поник, зарыдав, как дитя.
Потащили в смирительный дом,

погоняя пинками меня.

3

Я сижу под окном.
Прижимаюсь к решетке, молясь.
В голубом
все застыло, искрясь.
И звучит из дали:
«Я так близко от вас,
мои бедные дети земли,
в золотой, янтареющий час...»
И под тусклым окном
за решеткой тюрьмы
ей машу колпаком:
«Скоро, скоро увидимся мы...»
С лучезарных крестов
нити золота тешат меня...
Тот же грустно-задумчивый зов:
«Объявись – зацелую тебя...»
Полный радостных мук,
утихает дурак.
Тихо падает на пол из рук
сумасшедший колпак.

Июнь 1903

Серебряный Колодезь

Три стихотворения

1

Все тот же раскинулся свод
над нами лазурно-безмирный,
и тот же на сердце растет
восторг одиночества лирный.
Опять золотое вино
на склоне небес потухает.
И грудь мою слово одно
знакомою грустью сжимает.
Опять заражаюсь мечтой,
печалью восторженно-пьяной...
Вдали горизонт золотой
подернулся дымкой багряной.
Смеюсь – и мой смех серебрист,
и плачу сквозь смех поневоле.
Зачем этот воздух лучист?
Зачем светозарен... до боли?

Апрель 1902

Москва

Поет облетающий лес
нам голосом старого барда.
У склона воздушных небес
протянута шкура гепарда.
Не веришь, что ясен так день,
что прежнее счастье возможно.
С востока приблизилась тень
тревожно.
Венок возложил я, любя,
из роз – и он вспыхнул огнями.
И вот я смотрю на тебя,
смотрю, зачарованный снами.
И мнится – я этой мечтой
всю бездну восторга измеряю.
Ты скажешь – восторг тот святой?
Не верю!
Поет облегающий лес
нам голосом старого барда.
На склоне воздушных небес
сожженная шкура гепарда.

Апрель 1902

Москва

Звон вечерней гудит, уносясь
в вышину. Я молчу, я доволен.
Светозарные волны, искрясь,
зажигают кресты колоколен.
В тучу прячется солнечный диск.
Ярко блещет чуть видный остаток.
Над сверкнувшим крестом дружный визг
белогрудых счастливых касаток.
Пусть туманна огнистая даль —
посмотри, как все чисто над нами.
Пронизал голубую эмаль
огневеющий пурпур снопами.
О, что значат печали мои!
В чистом небе так ясно, так ясно...
Белоснежный кусок кисеи
загорелся мечтой виннокрасной.
Там касатки кричат, уносясь.
Ах, полет их свободен и волен...
Светозарные волны, искрясь,
озаряют кресты колоколен.

Во храме

Толпа, войдя во храм, задумчивей и строже...

Лампад пунцовых блеск и тихий возглас:

«Боже...»

И снова я молюсь, сомненьями томим.

Угодники со стен грозят перстом сухим,

лицо суровое чернеет из киота

да потемневшая с веками позолота.

Забил поток лучей расплавленных в окно...

Все просветилось вдруг, все солнцем зажжено:

И «Свете тихий» с клироса воззвали,

и лики золотом пунцовым заблистали.

Восторгом солнечным зажженный иерей,

повитый ладаном, выходит из дверей.

Июнь 1903

Серебряный Колодезь

В полях

Солнца контур старинный,
золотой, огневой,
апельсинный и винный
над червонной рекой.

От воздушного пьянства
онемела земля.

Золотые пространства,
золотые поля.

Озаренный лучом,
я опускаюсь в овраг.

Чернопыльные комья
замедляют мой шаг.

От всего золотого
к ручейку убегу —
холод ветра ночного
на зелёном лугу.

Солнца контур старинный,
золотой, огневой,
апельсинный и винный
убежал на покой.

Убежал в неизвестность.

Над полями легла,
заливая окрестность,
бледно-синяя мгла.

Жизнь в безвременье мчится

пересохший ключом:
все земное нам снится
утомительным сном.

<1904>

Прежде и теперь

Опала

Посвящается А. А. Блоку

Блестящие ходят персоны,
повсюду фаянс и фарфор,
расписаны нежно плафоны,
музыка приветствует с хор.
А в окнах для взора угодный,
прилежно разбитый цветник.
В своем кабинете дородный
и статный сидит временщик.
В расшитом камзоле, при шпаге,
в андреевском ордене он.
Придворный, принесший бумаги,
отвесил глубокий поклон, —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.